

В. Г. Короленко. Письма к П. С. Ивановской. Предисловие П. С. Ивановской. Редакция и примечания А. Б. Дермана. Издательство политкаторжан. Москва. 1930.

Помнится, А. Г. Горнфельдъ какъ-то писалъ, что лучшимъ произведеніемъ В. Г. Короленка является его жизнь. Въ этомъ замѣчаніи много глубокой правды. Человѣкъ и писатель сливались въ Короленка въ одно неразрывное, гармоничное цѣлое. Слова Короленка были его дѣломъ и его дѣла никогда не расходились съ его словами. Писатель-гуманистъ, поэтъ и проповѣдникъ человѣчности и поборникъ гражданской ответственности, онъ неизмѣнно воплощалъ эти начала во всей своей жизни. Яркимъ свидѣтельствомъ этого служить, въ частности, постепенно опубликовываемая послѣ его смерти его переписка. И въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія и вышедшій недавно въ Москвѣ новый сборникъ его писемъ — письма къ П. С. Ивановской.

Сверстница Короленка по годамъ, старшая сестра его жены, П. С. Ивановская молодой дѣвушкой вошла въ 70-хъ годахъ въ русское революціонное движеніе и искорѣ заняла довольно видное мѣсто въ рядахъ его участниковъ. Въ 1883 г. она судилась въ такъ назыв. «процессѣ 17 народовольцевъ» и была приговорена къ смертной казни, замѣненной ей затѣмъ безсрочной каторгой. Отбывъ 15 лѣтъ каторги, сперва на Карѣ, потомъ въ Акатуѣ, она была выпущена на поселеніе и еще черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1903 г., бѣжала въ Европейскую Россію. Здѣсь она вернулась къ революціонной дѣятельности, вступила въ боевую организацію партіи социалистовъ-революціонеровъ, принимала участіе въ подготовкѣ убійства Плеве, временно уѣзжала за границу, затѣмъ возвратилась въ Россію и въ 1905 г. была арестована, но благодаря событіямъ этого года, вызвавшимъ освобожденіе заключенныхъ въ петербургскихъ тюрьмахъ, вновь вышла на свободу. Однако уже въ 1907 г. ей сталъ снова грозить арестъ за побѣгъ съ мѣста ссылки и, спасаясь отъ такого ареста, ей пришлось сперва опять перейти на нелегальное положеніе, а потомъ и бѣжать за границу, откуда она смогла возвратиться только въ 1913 г., когда ей прежній побѣгъ былъ подведенъ подъ амнистію.

Непосредственное личное знакомство П. С. Ивановской съ Короленкомъ состоялось только послѣ ея самовольной отлучки съ мѣста ссылки. Но переписка между ними завязалась задолго, почти за двадцать лѣтъ, до этого момента. Въ 1886 г. Короленко женился на Е. С. Ивановской и очень скоро послѣ того онъ написалъ П. С., прося ее считать его своимъ «другомъ и братомъ» и предлагая ей на случай какой-либо нужды свою помощь. Въ дальнѣйшемъ теченіи всего времени пребыванія П. С. въ ссылкѣ онъ и оказывалъ ей, дѣйствительно, такую помощь, заботливо снабжая ее нужными вещами, лекарствами, книгами и деньгами. А вмѣстѣ съ тѣмъ онъ всѣ эти годы велъ съ нею дѣятельную переписку, стараясь держать свою корреспондентку въ курсѣ не только семейныхъ, но и общественныхъ дѣлъ, поскольку это позволяли самыя условія переписки. Продолжалась эта переписка и послѣ бѣгства П. С. изъ ссылки и болѣе или менѣе на-

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ

долго прерывалась лишь тогда, когда ее не позволяли вести особыя условия жизни П. С. или когда послѣдняя жила вмѣстѣ съ Короленкомъ и его семьей.

Не всѣ письма Короленка къ П. С. Ивановской сохранились, часть погибла въ тревожной обстановкѣ ея жизни Но тѣ, которыя уцѣлѣли и теперь напечатаны, представляютъ порою очень большой интересъ. Не будучи вполне солидарнымъ съ данною своею корреспонденткой въ общественно-политическихъ взглядахъ, Короленко, однако, видимо, скоро почувствовалъ себя связаннымъ съ нею не только родственными узами, но и извѣстною душевною близостью. И въ своихъ письмахъ онъ не только сообщалъ П. С. Ивановской разнаго рода свѣдѣнія и новости, но порой и дѣлился съ ней своими задушевными мыслями, давалъ свои отзывы о нѣкоторыхъ писателяхъ, рассказывалъ о своихъ литературныхъ планахъ, подчасъ разъяснял происхожденіе и смыслъ своихъ произведеній. Благодаря этому въ данныхъ письмахъ есть цѣлый рядъ штриховъ, болѣе или менѣе ярко очерчивающихъ духовный обликъ покойнаго писателя.

Не разъ и не два, между прочимъ, Короленко говоритъ въ этихъ письмахъ по разнымъ поводамъ о своемъ взглядѣ на религію и на роль религіознаго начала въ жизни. «Что вамъ сказать, — писалъ онъ въ 1893 г., — о писаніяхъ Л. Тихомирова и о дѣйствіи, произведенномъ ими. Нѣкоторое религіозное вѣяніе несомнѣнно, но едва-ли можно считать Л. Тихомирова сколько-нибудь виднымъ его представителемъ. Онъ просто смѣшался съ кликой Страстного бульвара и потонулъ въ ней. Ничего оригинальнаго, замѣтнаго, талантливаго или своеобразнаго изъ-подъ его пера не выходитъ, объ его статьяхъ рѣдко и очень мало говорятъ въ общей прессѣ, а въ обществѣ — почти не говорятъ вовсе. Тянетъ онъ рутинную канитель, убѣждая только уже убѣжденныхъ, своихъ, — и, кажется, сознаетъ свое жалкое положеніе... Религіозной струѣ въ общественной мысли я придаю большее значеніе, но полагаю, что эти господа весьма далеки отъ ея истиннаго пониманія. Свои взгляды на этотъ предметъ я выразилъ въ разсказѣ «Тѣни»... «Мнѣ кажется, — писалъ онъ въ другой разъ, въ 1903 г., — что у тебя то же, что было у меня. Въ туманѣ, о которомъ ты пишешь, хочется разглядѣть не одну ближайшую связь ближайшихъ явленій, но и то отдаленное, что стоитъ загадкой жизни, смерти, любви, страданія... Я переживалъ это и остро, и хронически, много тосковалъ и много думалъ. Туманъ остается туманомъ, и я побѣдилъ въ себѣ стремленіе населить его старыми иллюзіями или слишкомъ поспѣшно создаваемыми новыми на старой почвѣ. Но въ обществѣ у меня осталось въ результатъ глубокое убѣжденіе, что то, что мы называемъ сознаніемъ, жизнью, любовью, стремленіями, страданіемъ, — полно глубокаго неразгаданнаго еще смысла, къ разгадкѣ котораго человѣчество подвигается знаніемъ и вѣрой. Чувствую, что это опять туманно Прости, голубушка».

Высказывался Короленко въ своихъ письмахъ и объ общественно-политическихъ направленіяхъ эпохи. Такъ, сказавъ въ одномъ изъ

писемъ 1898 г., что «господствующимъ настроеніемъ большинства молодежи» въ Петербургѣ является марксизмъ, онъ продолжалъ: «Я лично далеко не безусловный врагъ этого направленія; по-моему, въ немъ есть кое-что вѣрное и свѣжее. Но все это ужасно узко, умишки замыкаются на «экономіи», кругозоръ стѣсняется и для невѣжественнаго апломба — страшный просторъ. Трудно представить себѣ, какія рѣчи приходится слышать, а порой и читать. «Самарскій Вѣстникъ», одно время бывший газетой «партии», договорился до вреда народнаго образования (пока «мелкій буржуа», называемый по недоразумѣнію крестьяниномъ, «ис выварился въ котлѣ», — образование ему не нужно). Правда, здѣшніе марксисты хватились за голову, читая эти прелести, но теперь они имѣютъ удовольствіе слышать эти рѣчи уже въ студенческихъ кружкахъ... Впрочемъ... когда я гляжу и слушаю самую яркую глупости въ этомъ родѣ, — мнѣ вспоминается старина. Когда не было глупостей? Если же говорить серьезно, то мнѣ кажется, что у марксизма есть двѣ стороны: одна, которой суждено распухнуть лишь въ будущемъ, а пока оставаться въ видѣ незначительной, скорѣе символической струйки, которая доплетается и до нашихъ странъ. Другая, болѣе широкая, несетъ съ собой примиреніе съ господствующимъ въ дѣйствительности теченіемъ, и очень многіе прежде всего усваиваютъ «защиту капитализма». Недѣлю еще мы получили для напечатанія рукопись, въ которой юный и энергичный герой произноситъ горячія тирады въ этомъ родѣ: «Капиталистическій строй есть идеальнѣйшая форма общезитія» (буквально). Это, разумеется, не можетъ быть поставлено въ вину вожакамъ марксизма, но все-таки — это симптомъ. Даже и нелѣпости народничества были въ другомъ родѣ».

Отгораживаясь отъ марксизма, Короленко въ то же время отгораживался и отъ крайностей стараго народничества. «Еще, — писалъ онъ въ другой разъ своей корреспонденткѣ въ томъ же 1898 г. — по поводу чьего-то упрека, будто я смотрю на народъ, какъ на скотину. Это несправедливо. И въ «Голодномъ годѣ», и въ Мултанскомъ процессѣ я старался защищать народъ противъ огульныхъ обвиненій... Но... можно ли отрицать, что и безъ людоедства и человѣческихъ жертвоприношеній — есть масса темноты, невѣжества и грубости въ народной средѣ? Къ сожалѣнію, это фактъ. Но что еще важнѣе и что можетъ быть, именно и чувствовать вашу собесѣдникъ, — это то, что у меня (очень давно) нѣтъ преклоненія передъ «народной мудростью», того иѣльнаго представленія о «народѣ» единомъ и цѣльнымъ, которое было въ 70-хъ годахъ и которое даже въ дикихъ и темныхъ народныхъ глупостяхъ хотѣло видѣть проявленіе чего-то глубокаго и только намъ непонятнаго.. Этого давно, давно у меня нѣтъ. Впрочемъ, въ этомъ также давно исповнень и Михайловскій, всегда ставившій задачей дѣятельности «народные интересы», но никогда не требовавшій смиренія передъ народной мудростью и «народнымъ мпѣніемъ».

Не меньшій интересъ, чѣмъ эти общіе взгляды, представляютъ

гѣ сообщенія, которыя дѣлалъ порой П. С. Ивановской Короленко на-
счетъ нѣкоторыхъ своихъ произведеній. «Вы меня немного пожури-
ли, — писалъ онъ ей въ 1894 г., — за знакъ вопроса въ «Парадоксѣ».
Въ отдѣльномъ изданіи выскажу свою мысль яснѣе, а пока вамъ лич-
но скажу, что этотъ рассказъ явился для меня самого неожиданнымъ
результатомъ всего, что пришлось пережить въ послѣднее время. Я
вообще человѣкъ не упытый и не пессимистъ. Но смерть моей Лели*)
такъ меня пришибла, что я никогда, въ самыя тяжелыя минуты моей
жизни, не чувствовалъ себя въ такой степени изломаннымъ, разби-
тымъ и личтожнымъ. Жизнь вообще, въ самыхъ мелкихъ и самыхъ
крупныхъ своихъ явленіяхъ, кажется мнѣ проявленіемъ общаго вели-
каго закона, главныя основныя черты котораго — добро и счастье.
А если нѣтъ счастья? Ну, что-жь, исключеніе не опровергаетъ прави-
ла. Нѣтъ своего — есть чужое, а все-таки общій законъ жизни есть
стремленіе къ счастью и все болѣе широкое его осуществленіе. Толь-
ко это я и пытался сказать своимъ парадоксомъ, но собственная моя
душа въ это время была еще такъ же изломана, какъ мой несчастный
философъ. И поэтому эта, сама по себѣ простая и не пессимистиче-
ская мысль оказалась какъ-то непроизвольно съ такими пессимисти-
ческими придатками, — что въ общемъ выводѣ рождаетъ недоумѣ-
ніе и вопросъ».

Въ другой разъ, въ 1903 г., работая надъ рассказомъ «Не стран-
ное», Короленко такъ описывалъ своей корреспонденткѣ эту рабо-
ту: «Рассказъ странный, не въ обычномъ моемъ родѣ, но захватилъ
меня сильно, и работаю я надъ нимъ долго, потому что не хочется
вставлять ни одной строчки «отъ себя». Ведется онъ (наполовину)
отъ лица нѣкотораго чудака, который меня интересуетъ не меньше,
чѣмъ то, о чемъ онъ рассказываетъ. Тема — бессмысленная суতো-
ка жизни и предчувствіе или ощущеніе, что смыслъ есть, огромный
смыслъ всей жизни, во всей ея совокушности, и его надо искать. Не
знаю, что изъ этого у меня вышло, знаю только, что это, быть можетъ,
самое задушевное, что я писалъ до сихъ поръ. Ощущеніе это, по мо-
ему мнѣнію, разлито теперь въ воздухъ. Недавнѣ марксисты кидаютъ
къ идеализму, Туганъ-Барановскій при мнѣ развивалъ филосо-
фію Зосимы (изъ братьевъ Карамазовыхъ) и оправдывалъ вѣчную
казнь за преступленія сей краткой жизни. То же самое — Булгаковъ,
недавній ярый «материалистъ». Мережковскій основалъ журналъ, гдѣ
(послѣ недавняго преклоненія передъ Венерой и язычествомъ) воску-
ряетъ ладанъ и толкуетъ объ ересьяхъ, за которыя громить Толсто-
го.. Все это — часто очень нехорошо, потому что люди обращаютъ
свои поиски назадъ и хотятъ выкинуть за бортъ то, что человѣчество
уже узнало и никогда не забудетъ. Но самое чувство, побуждающее
искать широкихъ міровыхъ формулъ, — я считаю нормальнымъ, не-
истребимымъ и подлежащимъ безконечной эволюціи. Все это, одна-

*) Маленькая дочь Короленка, умершая во время его поѣздки въ
Америку въ 1893 г.

ко, между прочимъ, и въ разсказѣ въ этихъ разсужденіяхъ не найдете. Это только — его психологическая подкладка. Я думаю, что лучше ясно поставить вопросъ, чѣмъ давать туманныя и пессимныя рѣшенія»...

Надѣюсь, читатель не поспѣуетъ на меня за эти длинныя выдержки, наглядно показывающія, какой интерес имѣютъ данныя письма. Мнѣ остается только прибавить, что редакторъ сборника, А. Б. Дерманъ, снабдилъ ихъ примѣчаніями, въ сжатой формѣ дающими читателю всѣ необходимые комментаріи насчетъ упоминаемыхъ въ письмахъ событій и лицъ.

Въ связи съ этимъ нельзя не отмѣтить однако одной характерной детали. Въ помѣщенныхъ въ сборникѣ письмахъ Короленка встрѣчаются изрѣдка рѣзкіе отзывы о нѣкоторыхъ писателяхъ. Всѣ такіе отзывы напечатаны полностью и полностью же воспроизведены и фамилии лицъ, къ которымъ они относятся. Но — за однимъ исключеніемъ. Въ письмѣ отъ 27 авг. 1916 г. мы, между прочимъ, читаемъ: «Читали ли вы статью X. «Свѣтъ тихій»? Мнѣ зтотъ господинъ не нравится и тогда, когда онъ работалъ у насъ: много риторики и лжи. Теперь онъ претендуетъ на наслѣдство Н. К. Михайловскаго и.. обѣими руками, какъ говоритъ Пѣнехоновъ, составляетъ военные обзоры, въ томъ числѣ для «Правительственнаго Вѣстника». И пошпыиваетъ «Русскіи Записки».. Дѣйствительно — наглая дубина» Господинъ, о которомъ говоритъ въ этихъ строкахъ Короленко, писалъ подъ фамиліей Мстиславскаго. Пишетъ онъ подъ этой фамиліей въ Россіи и теперь, выступая въ качествѣ если не большевика, то союзника большевиковъ, и, очевидно, именно поэтому его литературный псевдонимъ, несомнѣнно, полностью приведенный въ письмѣ Короленка, въ печати пришлось замѣнить невинною буквою X

В. Мякотинъ.

С. Дмитриевскій. Судьба Россіи. -- Письма к друзьям. -- Изд. «Стрела». — На бандероли «Исповедь невозвращенца».

Книга С. Дмитриевскаго выходитъ за рамки обычныхъ, ставшихъ уже банальными, публикацій «невозвращенцевъ». Она пытается подняться надъ фактами личной біографіи авторовъ, одно время за совѣсть, а не изъ страха только, служившихъ большевническому режиму, а сейчасъ въ спѣшномъ порядкѣ покинувшихъ ряды высшей совѣтской бюрократіи, иногда и самой ВКП.

Въ отиичіе отъ другихъ, Дмитриевскій принципиально, по моральнымъ и патриотическимъ соображеніямъ, отказывается отъ конкретныхъ разоблаченій режима. Если другіе стремятся показать — или доказать -- искренность своего поворота или, если угодно, облегчить свою совѣсть, искреннѣе и частично загладить причиненное зло, -- Дмитриевскій не изъ ихъ числа. Онъ по преимуществу доказываетъ, что не столько онъ и его взгляды изменились, сколько все и всѣ другіе мѣнялись. Мѣнялась историческая обстановка, мѣнялись и изменились, по его убѣжденію, большевики, но «невозвращенецъ» Дмит-